

УДК 821.161.1:7.038.5 ББК Ш33(2Рос=Рус)-022.26

К современным спорам о толерантности (литературоведческий аспект на материале русского классического реализма)

Ю. М. Проскурина
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о специфике художественного восприятия толерантности в русской классической литературе.

Ключевые слова: толерантность, русский реализм.

J. M. PROSKURINA. *To the modern debate about tolerance (a literary aspect based on Russian classical realism)*

Abstract. The article addresses the issue of artistic perception of tolerance in Russian classical literature.

Keywords: tolerance, Russian realism.

Толерантность — термин иностранного происхождения (лат.), как и многие популярные у нас, особенно в конце XX столетия, чужеземные слова типа плюрализм (лат.), ментальность (франц.). Но если последние два понятия прочно вошли с определенным своим содержанием в наш научно-публицистический лексикон, то нередко стоящая рядом с ними толерантность остается дискуссионной категорией. В предисловии к опубликованной не так давно коллективной монографии Уральского университета им. А. М. Горького (ныне Уральского федерального университета), посвященной философским и лингвокультурологическим проблемам толерантности, Н. А. Купина справедливо замечает: «До настоящего времени категория толерантности не осмыслена отечественной гуманитарной наукой» [Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности 2003: 5]. И автор одной из статей первого раздела названной книги М. Б. Хомяков подчеркивает, что «толерантность представляет собой весьма сложное понятие. Практически все современные исследователи говорят о фундаментальной его противоречивости» [Там же: 11]. Однако именно это понятие было закреплено в декларации ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года и стало предметом внимания многих наук, в том числе философии, лингвистики, этики, психологии, с которыми тесно соприкасается и литературоведение, и сама художественная словесность.

Толерантность обычно предполагает наличие диалога, одной из форм межличностного общения и часто ассоциируется с идеей ненасилия, бесконфликтности, терпимости. Поэтому в советское время толерантность рассматривалась как непопулярное явление, отождествляемое с пассивностью, индифферентностью к враждебной идеологии. В связи

с этим наблюдалось почти полное отсутствие слова «толерантность» в толковых словарях тех лет [Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности 2003: 101].

Зато в девяностые годы не только возрос интерес к толерантности, но даже появились попытки объявить ее главной национальной особенностью русской ментальности, отраженной нашей словесностью в образах «лишних», «униженных», «бедных людей». В это время пытались забыть, что внимание к ним было вызвано традиционным гуманизмом отечественной литературы, которая, по словам Валентина Распутина, «столетиями учила совести, бескорыстию, доброму сердцу — без этого Россия не Россия и литература не литература» [Распутин 1997: 6]. Русская словесность не только сострадала обиженным, слабым сердцам — она восхищалась «смелостью русского сердца и ума», то есть видела широту русской ментальности, в которой, по словам великого Пушкина, сочеталось «гордое терпенье» и «дум высокое стремленье» [Пушкин 1947: 72], что позволило впоследствии Достоевскому сказать: «Народ наш широк и умен» [Достоевский 1988: 41]. Эта широта русского человека, многообразие его жизни со всеми присущими ей конфликтами, сомнениями, примирениями — предмет изображения нашей словесности, а в конечном итоге и осмысления со стороны литературной критики.

Сложность художественного восприятия толерантности как нашей национальной особенности во многом обусловлена противоречивостью, плюрализмом заложенного в этом термине русского понятия: терпение — терпимость, покорность и — выдержка, стойкость. Оба эти понятия получили свое воплощение в русской классической литературе. Так, Пушкин в самостоянии человека, то есть в стойкости, видел залог величия его; Некрасов надеялся, что «терпением изумляющий народец» «вынесет все и широкую ясную грудь дорогу проложит себе»; Тургенев воспел русское «страстное, грешное, бунтующее сердце», а Достоевский заметил в нем склонность «к всемирной отзывчивости». Лев Толстой в своей грандиозной эпопее завершит синтез героической жизни, далеко не безразличной романтикам, с повседневным бытом обыкновенных людей, главным предметом, по словам Н. Н. Страхова, «нашего художественного реализма», исходящего из высшего идеала русского народа — «простоты, добра и правды» [Страхов 1984: 273, 334].

Именно с позиций этого идеала наша реалистическая литература XIX века отражала русскую жизнь во всем ее многообразии (предмет познания), вступая

в конфликтные отношения с предшествующим ей романтическим миропониманием (способом познания).

Конечно, в начальный период формирования русского реализма не могло быть и речи о его толерантном, терпимом отношении к своему предшественнику — романтизму: обе художественные системы находились в состоянии конфронтации. Еще В. Г. Белинский в своих статьях, в частности в одной из них («Сочинения князя В. Ф. Одоевского») говорил о неизбежных в русской литературе «переворотках», когда «новые понятия» вооружаются «против старых» [Белинский 1955: 297].

Причем со временем в этих «новых понятиях» тоже происходят заметные изменения. Так, в бытность натуральной школы, массового приобщения писателей к реализму, И. С. Тургенев приступает к работе над повестью «Переписка» (1844). И оканчивает, завершает ее в годы «мрачного семилетия» уже после выхода в свет «Переписки» Ю. Жадовской (1849), «Искушения» Н. Хвоцинской (1852), воскресившей романтический тезис: «Человек должен быть выше обстоятельств» [Крестовский (Хвоцинская) 1913: 150]. Тургенев в своей повести еще не отступает от преамбулы натуральной школы: его герой — лишний человек 40-х годов, который жалуется: «Обстоятельства нас определяют, они же наталкивают нас на ту или другую дорогу, и потом они же нас казнят» [Тургенев 1980: 26]. А в повести «Яков Пасынков», опубликованной в годы «мрачного семилетия», в 1855 году, Тургенев утверждает: «... жалок тот, кто живет без идеала!» [Там же: 77]. В это время писатель разделяет усилившийся в литературе романтический интерес к душевным переживаниям человека, к природе, поэзии, музыке. Поэтому до сих пор остается актуальным «вопрос о соотношении романтических начал в тургеневском реализме» [Тюхова 1984: 28]. В пятидесятые годы и Лев Толстой настаивает на противостоянии человека неблагоприятным обстоятельствам. «Чем труднее и тяжелее обстоятельства, — пишет он, — тем необходимее твердость, деятельность, решимость и тем вреднее апатия» [Толстой 1934: 186]. А. И. Герцен в это время провозглашает лозунг русской литературы тех лет: «Нравственная независимость человека — такая же непреложная истина и действительность, как его зависимость от среды» [Герцен 1956: 349].

В результате реализм, с одной стороны, избавился от пристрастия натуральной школы к изображению человека, убитого обстоятельствами, не находящего, по словам П. Анненкова, «в себе никаких сил для выхода из стесненного положения» [Анненков 1849: 11]. А с другой стороны, реализм освоил романтический

интерес к душе человеческой, к ее «бесконечным стремлениям и порываниям» на которых «восстают лучшие, благороднейшие идеалы человека» [Панаев 1860]. Поэтому А. В. Дружинин в эти годы откровенно приветствует писательский интерес «к самым светлым сторонам так часто осмеиваемого романтизма» [Дружинин 1865: 297].

Все эти высказывания тогдашних литературных деятелей подтверждают заметное в середине XIX века желание реалистов воспользоваться отдельными особенностями (завоеваниями) романтизма для воспроизведения всей полноты, широты человеческой жизни.

Рассмотрение русской словесности тех лет в свете названия данной статьи позволяет предположить, что толерантность в литературном процессе — кульминация неодноактного действия, которое начинается с конфликта, с конфликтной ситуации, и переходит через определенное время с помощью дискурсивного диалога к художественному синтезу, своеобразному симбиозу, что в конечном итоге обогащает литературу.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков П. В. Заметки о русской литературе 1848 года // «Современник». 1849. № 1. Отд. III. С. 1–23.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 8. М.: АН СССР, 1955.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Дневник писателя. Л.: Наука. 1984; Т. 30. Письма. Л.: Наука. 1988.

Герцен А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит. 1956.

Дружинин А. В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. СПб., 1865.

Крестовский В. (Хвоцинская Н. Д.) Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб., 1912–1913.

Панаев И. И. Актеон. 1860. URL http://az.lib.ru/p/panaew_i_i/text_0130.shtml (дата обращения 25.11.2014).

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Распутин В. Мой манифест // Наш современник. 1997. № 5. С. 3–7.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984.

Тюхова, Е. В. «Советские исследователи о психологическом мастерстве Тургенева» // Творчество И. С. Тургенева. Ред. Г. Б. Курляндская. Курск: Курский гос. пед. институт, 1984, с. 14–30.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). Серия 2: Дневники / Под общ. ред. В. Г. Черткова. При участии ред. ком. в составе А. А. Толстой, А. Е. Грузинского, Н. Н. Гусева и др. Т. 46: Дневник, 1847–1854. М.; Л.: Гос. изд-во, 1934.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. V. Соч. М.: Наука, 1980.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Проскурина Юлия Михайловна — доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург.

Адрес: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Эл. почта: cafruszarlit@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Proskurina Julia Mikhajlovna is a Doctor of Philology, Professor of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).